

Ландыш Ахметшина

Сергей Кузнецов

ЛАСКовый
мой...

Памяти
Юрия Шатгунова
и Сергея
Кузнецова

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 785:929(470)
ББК 85.318(2)6-8
К89

Кузнецов, Сергей Борисович.

К89 Ласковый мой... Памяти Юрия Шатунова и Сергея Кузнецова / Сергей Кузнецов, Ландыш Ахметшина. — Москва : Эксмо, 2025. — 432 с. — (Поп-культ: музыканты, покорившие чарты и сердца).

ISBN 978-5-04-211976-7

Новая книга о «Ласковом мае» — расширенная версия бестселлера «Ты просто был частицей меня...». В подарочном переиздании вы найдете рукописи песен легендарной группы, дневниковые записи самого Сергея Кузнецова и снимки из личного архива Ландыш Ахметшиной, соавтора книги и подруги маэстро. Однако это не сравнится с историей тайной любви Юрия Шатунова... Вы готовы узнать правду о жизни самого желанного советского артиста 1990-х?.. Ищите в конверте письмо, составленное редакцией на основе писем фанатам от Юрия Шатунова.

УДК 785:929(470)
ББК 85.318(2)6-8

ISBN 978-5-04-211976-7

© Сергей Кузнецов, Ландыш Ахметшина, текст, 2025
© Ландыш Ахметшина, Сергей Кузнецов,
фото из личных архивов, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Оглавление

От автора

7

Предисловие

13

Глава 1. «Мой Ласковый май»

23

Глава 2. Прощай, Маэстро!

229

Глава 3. «Тебе придется через это пройти»...

245

Глава 4. Помним «Ласковый май»

279

Глава 5. «Ксюнчик привет»,
или Тайная любовь Юрия Шатунова?

301

Глава 6. Памяти С. Кузнецова

371

Глава 7. На бис

389

От автора

Дорогие мои! У вас в руках уникальная книга, которая писалась в режиме реального времени. Это уже ее третье издание. Из тиража в тираж книга дополнялась произошедшими и вновь открывшимися на момент издания событиями и фактами, связанными с Сергеем Кузнецовым и Юрой Шатуновым. В ее основе воспоминания поэта-композитора Сергея Борисовича Кузнецова о создании им группы «Ласковый май» с солистом Юрием Шатуновым, об их жизни до и после. Также книга описывает последние месяцы, дни и даже часы жизни легендарного Маэстро.

Изначально книга должна была быть совсем другой. В ходе написания Сергей Борисович решил поменять ее наполнение. По просьбе поклонников нами было принято решение, что книга будет отображать не только воспоминания, но и реальные события, которые происходили во время написания книги. Завершить изложение планировалось творческим вечером Сергея Кузнецова. Но в нашу жизнь вмешалось то, о чем мы и подумать не могли. И уже когда книга была практически написана и оставалась только часть, посвященная творческому вечеру Маэстро, жизнь Сергея Борисовича Кузнецова внезапно оборвалась. Мне сейчас очень больно писать эти строки. Ведь от имени автора должен был писать сам Сергей Борисович, а получилось, что пишу я. А я не писатель и никогда им не была. Моей задачей было просто помочь написать то, что Маэстро хотел донести до своих поклонников, немного описать проис-

ходящее с ним и его окружением в момент написания книги и моих визитов к нему. Но получилось, как получилось. Прошу не судить меня строго.

Я постаралась максимально сохранить слог Сергея Борисовича и Юрия Шатунова. Возможно, где-то это резонирует с правилами русского языка. Мне хотелось, чтобы читатель услышал их, их тон, интонацию. Это было очень непросто, но я старалась не потерять ни единого слова, донести до вас так, как говорил и писал именно Маэстро. В свете произошедших событий любая произнесенная им фраза на вес золота.

В этом издании книга дополнилась бесценными воспоминаниями друзей и коллег Сергея Борисовича и Юры Шатунова, которые спустя два года после безвременного ухода Легенд нашли в себе силы и поделились со мной событиями времен «Ласкового мая», в которых они непосредственно принимали участие.

Сергей Серков — участник «золотого» состава группы «Ласковый май», — поделится своими воспоминаниями о рождении, становлении, золотом времени, распаде группы, о дружбе и многом другом.

Музыкант и участник группы «Ласковый май», «Мама» (второй проект С. Кузнецова) и друг с детства Рафаэль Исангулов поделится своими воспоминаниями о Маэстро, первой встрече с Юрой Шатуновым, совместном отъезде в Москву и следовавших вслед за этим событиях.

Бессменный звукорежиссер Олег Андреев расскажет о Сергее Борисовиче, о работе Маэстро в студии. Кто, как не он, сможет приоткрыть завесу над творческим процессом Кузнецова? Михаил Карманов, клавишник групп «Мама» и «Маугли», поведаст о разговоре, который состоялся между Сергеем и Юрой до ухода из «Ласкового мая», о душевной боли Кузнецова и как она связана с песней «Ты просто был» и многом другом. Марина Обрест — очевидец первых творческих шагов к своему звездному будущему еще совсем

юного Юры в Акбулакском детском доме — поделится с нами событиями тех дней.

Также в книгу включена переписка Юры Шатунова с Оксаной Сотчевой. Глава «Ксюнчик привет» посвящена тайной любви вокалиста «Ласкового мая» и девушки, которая скончалась при трагических обстоятельствах. В основу главы легли рассказы Раисы Тихоновны, мамы Ксюши, Оксаны Моховой — подруги Ксюши — и дневник девушки¹.

Выражаю огромную благодарность всем тем, кто поделился своими воспоминаниями и позволил заглянуть в закулисы легендарной группы «Ласковый май»...

¹ Редакция БОМБОРА не может подтвердить или опровергнуть подлинность писем Юрия Шатунова, о которых идет речь в книге (355—359 стр.), поскольку попытка связаться с законными наследниками артиста не увенчалась успехом. Однако автор книги Ландыш Ахметшина настаивает на правдивости рукописей в силу личного знакомства с мамой Оксаны Сотчевой — Раисой Тихоновной, которая и передала письма в редакции; Оксаной Моховой, девушки, у которой Оксана Сотчева жила (Прим. ред.)

Конечно же, ты не предавал. И я понимаю тебя. Наша с тобой любовь была в самом зените. Но пришел он... Вы вместе уже с прошлого вечера, и я чувствую: вам хорошо. Ни тебя, ни его не смущает мое присутствие. Нет. Я не ревную. Я знаю, что он, наспех наигравшись с тобой, уйдет. И все-таки мне не по себе. Я помню, что ты сказал мне в те осенние дни 1987 года: «Не переживай, Кузь, все будет нормально. Он-то — всего на один день. А нам с тобой быть вместе дальше... Я не предам тебя. Не предам никогда. Даже тогда, когда я буду далеко... И ты, я знаю, будешь помнить о том, что я есть, и жду встречи с тобой. И люблю»»...

Я верю тебе! Ты ведь знаешь, что я всегда верил... мой первый снег...

Памяти Юрия Шатунова
и Сергея Кузнецова посвя-
щается...

Предисловие

Как я родился — убей, не помню. Знаю только, что этот факт действительно имел место в 1964 году, в январе месяце, шестого числа, в городе Медногорск. Назвали меня Сергеем, а так как отца, хотя я его ни разу и не видел, звали Борис, то и отчество мне дали Борисович. Вот и получилось — Кузнецов Сергей Борисович.

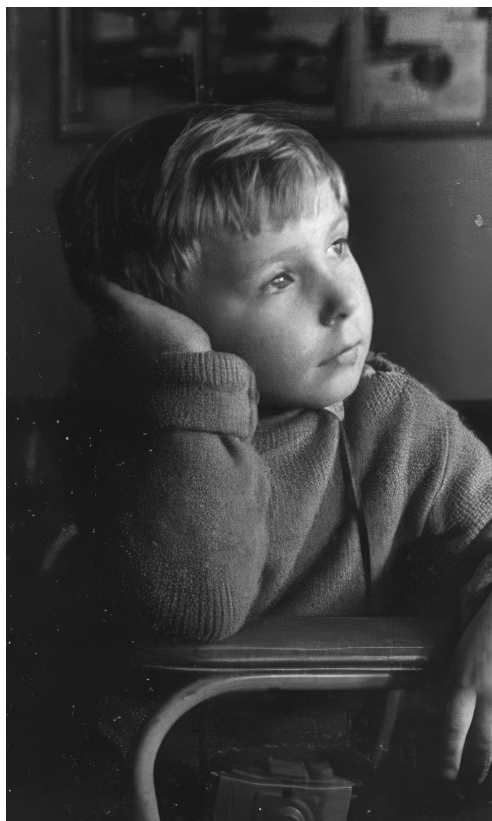
Свое первое ощущение того, что я могу не только слышать, видеть, но и помнить, можно весьма осторожно отнести к тем дням, когда от роду мне было уже месяцев шесть-семь. В то время мы с мамой жили в бараке, хотя и назывался он общежитием, на территории дома отдыха «Оренбургский». А так как мама работала в этом заведении организатором по культуре, то, соответственно, дали ей комнатку в общежитии. В бараке.

Я и называю это ощущение первым воспоминанием в жизни. В комнате я был один, не считая какого-то серого мохнатого существа, которое появилось на печке. Оно шевелилось и рычало. Страшно я тогда испугался! Что это было? Не знаю. Знаю только с полной уверенностью, что к домашним животным это существо никак нельзя отнести, разве что к семейству домовых. Сильным было это впечатление, потому и запомнилось.

Проблем со мной в раннем детстве особо не было по тем причинам, что:

- иногда я бывал очень даже спокойным малым;
- до шести месяцев питался исключительно грудным молоком и из бутылочки;

- по переходе на более взрослое меню временами давал себя накормить, не выплевывая в разные стороны кашу, молочные смеси и другие ненавистные мне в то время блюда;
- года в полтора интуитивно осознал, для чего именно существуют туалеты, тем самым избавив маму от постоянных стирок;
- в больнице лежал всего лишь один раз с каким-то осложнением после простуды. Тогда мне было два года;
- руку ломал всего лишь один раз, и то по причине ветхости дерева, на которое залез в детском саду;
- по поступлении в детский сад иногда не устраивал истерик, когда мама меня туда отводила, но ненависть к этому заведению твердо сохранил вплоть до поступления в школу.

Был я тогда очень наивен и никак не мог предположить, что жизнь в детском саду была Раем по сравнению со школьной, в которую я сознательно вошел лет эдак в шесть.

Конечно же, хотя детские легенды об ужасах школьной жизни оказались существенно преувеличенными, к школе я адаптировался не сразу. Но до пятого класса включительно учился на «четыре» и «пять».

За это время я успел:

- поступить в музыкальную школу и вскоре бросить это «постыдное занятие, недостойное пацана»;

- приобрести опыт по срыву уроков при помощи горючих и взрывчатых веществ;
- получить несколько раз «уд» по поведению, но, видимо, это было случайно;
- поступить в пионерскую организацию, из которой чудом не был изгнан за посвящение в пионеры дворовой школьной собаки, которой я повязал галстук из чисто моральных соображений;
- попробовал разные сигареты и решил, что «Мальборо» меня устраивает более, чем «Прима»;
- ну и, наконец, просто понял, что в слове «мама» никак не может быть четыре ошибки, благодаря чему научился читать, писать и считать.

Видимо, учителя немного переусердствовали в обучении меня чтению, и, перейдя в шестой класс, а заодно и в другую школу, я стал отдавать предпочтение не произведениям программы школьной литературы, а более серьезным, на мой взгляд, творениям литературных классиков, тем самым заработав первую и, естественно, не последнюю двойку по столь любимому когда-то предмету. Впрочем, и с другими предметами дела обстояли не лучше... Причин тому можно было найти множество. В 13 лет я начал работать киномехаником. С раннего детства я мечтал об этом! И сбылась эта мечта так рано благодаря тому, что мама уже была директором дома отдыха и меня оформила на вышеупомянутую должность. Надо сказать, что выполнял я свою работу честно и с любовью, уйдя в неожиданный отпуск по совсем необычной причине. Дома случайно активировал детонатор, который используют для взрыва горных пород. Зря я это сделал. Большая потеря крови, множественные осколочные ранения, кома, серьезная травма правого глаза и, как следствие, — сложная операция, двухмесячный постельный режим с забинтованными глазами — это когда происходящее вокруг только слышишь, да и то после того, как последствия контузии прошли.

Было о чем подумать «мальчику» за эти семьдесят дней. И «мальчик» о многом передумал и многое познал! Он познал, что такое настоящая боль, стал понимать, как плохо приходится тем людям, которые навсегда лишены зрения. Он начал задавать себе совсем-совсем не детские вопросы и сам давал на них ответы. Узнав о том, что на соседней койке поселился десятилетний мальчик Саша, которого привезли из какого-то далекого поселка, и поэтому его никто не навещает, стал делиться с ним теми продуктами, которые приносила мама. А однажды проревел всю ночь, узнав о том, что Сашу привезли не лечить, а просто на формальное обследование... Поздно было лечить. Глаукома была в запущенной форме, и Саша никогда не будет видеть. НИКОГДА. Это страшно, когда ты видишь беспомощность и бессилие врачей, которые спасли твое зрение, но ничем не могут помочь Саше.

Когда сняли швы и повязку и мне разрешили понемногу вставать, я впервые увидел Сашкино лицо. Красивые и огромные выразительные глаза, которые никогда не будут видеть! Мы подружились. Я помогал ему передвигаться по отделению, водил в столовую, в игровую комнату, в туалет и душ. Сашка стал для меня как бы родным. Я рассказывал ему о своей жизни, он мне — о своей. Я знакомил его с миром, который он никогда не видел, прожив в нем 10 лет. А он знакомил меня со своим миром — миром теней и фантазий. Никогда я не видел его грустным, плачущим. Это я тихо ревел, когда он засыпал со мной в одной кровати после сказок, которые я читал или рассказывал ему перед сном.

Удивительно — за три месяца, проведенных в больнице, я познал куда больше, чем за мои 12 лет. Первую настоящую боль, изоляцию от мира света и красок, первое настоящее сочувствие и первую злобу на бессилие, на невозможность что-либо изменить, первую настоящую дружбу, хотя я бы назвал это другим словом. С тех пор я начал делить жизнь на части, на периоды. Да так, наверное, и у всех людей — ощущение «до и после...» Меня выписали, а Сашку перевели в другую больницу.

Я пытался узнать, в какую именно. Оказалось, в Москву его отправили. Так вот и окончилась наша дружба. Больше мы не встречались.

Ну а после больницы в школу я пошел не сразу. Еще месяца два проторчал дома — такой вот режим назначили. А когда в школу вернулся, понял: я отстал в учебе. Отстал навсегда. Да и не было особого желания учиться. «Не хочу учиться, не хочу жениться, все бабы — дуры, весь мир — бардак, вокруг все построено на лжи и на лицемерии; сбор металлолома превращается в дежурное воровство железок одним классом у другого, и, если в этом мире и осталось немного правды, так она в том, что конец света не наступает лишь потому, что ему просто лень». К таким вот выводам я пришел в свои 13 лет, и единственным светлым лучиком правды и добра для меня оставалась мама. А еще Осень и музыка группы «Spase».

Никогда особо не увлекался музыкой, а тут случайно услышал ЭТО, и перевернулось все во мне. Не... Не все так плохо! Кроме книжек, любимой работы, бутылки пива с сигаретой и первыми опытами есть еще и то, чего мне так не хватало в этом мире. Есть музыка «Spase»!!! А времени для занятий на инструменте хватало. И я начал учиться. Сам. Без чьей-либо помощи.

